4. Дудина М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 152 с.

5. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008. 151 с

6. Пургина Е.И. Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке: учеб. пособие. Екатеринбург, УрГПУ, 2015. 275 с.

7. e-teaching.org [Электронный ресурс]. URL:http:// (дата обращения: 15 декабря 2015).

УДК 37(09).09(470.5)
ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.01

К.И. Зубков
Екатеринбург

МНОГОЭТНИЧНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В СТАДИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, историография, Россия, цивилизация, дискурс, этничность

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует методологическую и историографическую ситуацию, сложившуюся в освещении истории России как многоэтничного государства. С учетом противоречий в подходах между общероссийским и национальными историческими дискурсами оценивается возможность создания единой концепции истории России на базе анализа объективно-исторических тенденций цивилизационного развития.

K.I. Zubkov
Yekaterinburg

A MULTIETHNIC HISTORY OF RUSSIA IN PHASIC-EVOLUTIONAL DIMENSION

KEY WORDS: history, historiography, Russia, civilization, discourse, ethnicity.

ABSTRACT. The article analyses a methodological and historiographical situation arisen in dealing with the history of Russia as a multiethnic state. With regard for contradictions in approaches between the all-Russian and nationality-bind historical discourses, an appraisal is given on the possibilities of creating a commonly shared conception of Russia's history on the basis of analyzing the objective historical trends in development of civilizations

В таком многоэтничном и многоконфессиональном государстве, как современная Россия, выработка единой концепции преподавания отечественной истории неизбежно обречена на огромные трудности. В политико-прагматическом аспекте Россия обладает очевидными преимуществами перед странами Западной Европы, столкнувшимися с миграционным кризисом, а равно и с крахом парадигмы мультикультурализма, как с неким культурным «шоком», несущим угрозу сложившейся идентичности, поскольку в России населяющие ее народы объективно объединяет уходящий в глубину веков совместный исторический опыт взаимодействия и сотрудничества в строительстве единого государства. Ценность и уникальность опыта России в обеспечении гармоничного и конструктивного соразвития различных этносов и конфессий России ярко показала работа прошедшего в июле 2015 г. в Екатеринбурге XI Конгресса антропологов и этнологов России под общей темой «Контакты и взаимодействие культур» (7). Если даже не переоценивать гармоничность и комплиментарность этого опыта, всё равно можно говорить о выработанной в ходе истории, глубоко укоренившейся привычке совместного, взаимно терпимого сосуществования этносов в единой системе норм и правил, взаимной «притирке» культурных разностей, колоссально облегчающих управление страной. Однако эти преимущества имеют и свою оборотную, не столь завидную, сторону: если историческое прошлое стран Западной Европы и прошлое их бывших колоний позиционированы сегодня все-таки как *отдельные* национальные истории, то в России многоэтничность и принадлежность к разным культурно-религиозным традициям объективно провоцируют и, вероятно, будут провоцировать и в дальнейшем попытки смотреть этнически обособленным – разделяющим – взглядом на *принципиально неделимое* историческое прошлое страны, а значит, порождать прямо противоположные его трактовки и оценки.

При этом существует еще один осложняющий эту ситуацию момент: сколько бы мы ни подчеркивали синтетическую «евразийскую» сущность России как *особой цивилизации*, сколько бы ни говорили о формировании «российской нации» как о состоявшемся итоге этнополитического развития, невозможно уйти от факта существования у многих этносов России, помимо общероссийского «якоря» их идентичности, значимых для них этногенетических и культурно-религиозных связей и ориентиров, которые не замыкаются в пределах России. Тонкая грань различения *цивилизации* как сферы этнического быта (в самом широком смысле) и *культуры* как духовно-творческого содержания жизни этноса в этом вопросе очень значима. Часто артикулируемый тезис о том, что многоэтничность и многоконфессиональность – это богатство России, отдает пустой риторикой, если не дополнять всякий раз эту формулу признанием того, что это одновременно и источник многочисленных политических рисков. В качестве примера достаточно упомянуть то, как болезненно, при всем внешнем соблюдении гражданской лояльности, отозвался в ряде регионов России (особенно тюркских, северокавказских и др.) ряд недавних политических событий – разрыв прежде конструктивных отношений с Турцией (ноябрь 2015 г.) (10) или рост радикального исламизма, транслируемого из зарубежных центров влияния (4). Эти и подобные проблемы вполне реалистично осознаются российскими властями. Например, за дважды в последнее время высказанной (в Уфе, на праздновании 225-летия учреждения Центрального духовного управления мусульман России в октябре 2013 г., и в Москве, на церемонии открытия Соборной мечети в сентябре 2015 г.) мыслью Президента РФ В.В. Путина о необходимости воссоздания в России собственной мусульманской богословской школы (8; 9) прочитывается задача более фундаментального свойства – отстаивать во всех сферах интеллектуальной жизни *самобытность* этнокультурных и религиозных традиций народов России, не нуждающихся в этом плане в каких-либо внешних поводырях и культурных гегемонах. Эта установка, позволяя отсечь негативные внешние влияния и поднять планку самооценки собственного исторического опыта, не решает, однако, другой части проблемы – известной *внутренней конкуренции* исторических дискурсов, которая отражает стремление различных народов Российской

Федерации подчеркнуть (а иногда и существенно преувеличить) свою роль в мировой и отечественной истории, критически оценить историю Российского государства с точки зрения того, насколько благоприятные или, наоборот, репрессивные условия создавало оно для выживания и развития данного этноса.

Эта проблема далеко не нова для российской исторической мысли. С тех пор, как в начале XX в. так называемый «национальный вопрос» вырвался на арену политико-идеологической борьбы, историография, вольно или невольно, должна была стать отражением различных этнополитических аспираций, претерпевая подчас удивительные метаморфозы. Так, в 1920-х – начале 1930-х гг. лозунги «самоопределения наций» и их культурного «подтягивания» находили отражение, среди прочих проявлений так называемого «аффирмативного национализма» (выражение Терри Мартина) (11. P. 9–15), в официально поощряемом сочувственно-комплиментарном отношении к идейному реваншу со стороны ранее «угнетенных наций», в том числе в области историографии. В исторических концепциях, вдохновленных идеями этнического «ренессанса», как правило, присутствовали открытое неприятие исторического Российского государства (с его централизаторскими и колонизационными устремлениями) и, наоборот, идеализация тех прототипов и исторических призраков самостоятельной национальной государственности, которой когда-то обладали нерусские народы. Ставшая в 1920-е гг. «политикой, опрокинутой в прошлое», восходящая советская историография в освещении прошлого народов России страдала не меньшими перехлестами и тенденциозными искажениями, чем порицаемая дореволюционная. Так, вся история вхождения народов Поволжья и Урала в состав Русского государства неизменно описывалась в терминах «завоевательной, империалистической войны» (М.Г. Худяков), «агрессивной великодержавнической политики» Москвы (С.В. Бахрушин), «московской хищнической колонизации» (М.Г. Худяков, М.Ю. Пальверде), а история антирусских выступлений (независимо от их социальной подоплеки) – как борьба «порабощенного населения» против «колонизаторов», за «национальную независимость» (2. С. 61). О степени негативизма по отношению к Российскому государству как «тюрьме народов» и «тормозу» их свободного развития можно судить по некоторым

доводимым до абсурда экскурсам в историю уральских этносов. Так, в одной из работ, посвященных Уральской области, утверждалось, что славянская колонизация, дескать, смяв хазар и Волжскую Булгарию, а также отрезав пути проникновения на Урал скандинавов, тем самым отрезала регион (в лице его «многочисленных финских и тюркских племен») от общения с «культурным миром», прервала «поступательный процесс» его культурного развития. А в «Уральской Советской Энциклопедии» в начале 1930-х гг. проводилась мысль о том, что присоединение территории вогулов к Русскому государству привело их к культурному упадку и регрессу от «феодальной социально-экономической системы» к «патриархально-родовым отношениям» (2. С. 61–62).

Эта ситуация почти полностью повторилась в постсоветских условиях – с тем, правда, существенным отличием, что теперь националистические историографические дискурсы восходили не на расчищенной революционным отрицанием идеологической почве, но в полемике с устоявшейся, в значительной части унаследованной от советского периода концепцией *общегосударственной* истории, которая сложилась в процессе эволюции от теории «меньшего зла» к гибко варьируемым – в зависимости от конкретики этноса, места и времени – постулатам о преимущественно «добровольном» и прогрессивном по своему значению вхождении различных народов в состав России. В этой полемике без труда обнаруживаются различия в подходах общероссийской и этнонациональной версий истории к пониманию ее предметного содержания и ценностного наполнения. С одной стороны, это – история *государства*, интегрирующего и организующего совместную жизнедеятельность народов и созидающего тем самым основы оригинального цивилизационного единства, с другой – история отдельных *народов*, сфокусированная преимущественно на духовных, культурных и религиозных составляющих их развития и в тех же самых категориях трактующая их цивилизационную принадлежность (3). Однако это не спасает ситуации и не позволяет данным дискурсам существовать во взаимодополняющем ансамбле или даже в «параллельных» реальностях, поскольку они оба опираются на принципиально единую, довольно полно выявленную *фактографическую* основу исторического процесса, которая

объясняется и оценивается с диаметрально противоположных позиций. Ярче всего это, пожалуй, заметно на примере противостояния общероссийской и татарской версий истории. Если падение Казанского ханства в 1552 г., например, открывает в общероссийских версиях истории важный и в основном прогрессивный по содержанию этап складывания многонационального Русского государства, фактически, прообраза будущей Российской империи, то в многочисленных работах историков Татарстана это трактуется как начало черной, беспросветно тяжелой полосы в жизни татарского народа, ставшего жертвой жесткой репрессивной политики, в которой якобы присутствовали только национальный гнет, колонизаторская русификация и насильственная христианизация. Такие оценки, страдая чрезмерной идеологизацией, зачастую стремятся произвести радикальную инверсию всего восприятия истории. Авторы обобщающего российско-германского исследования, посвященного национальным историческим дискурсам в СССР и в постсоветских государствах, не скрывают иронии, характеризуя ряд вышедших в Татарстане с 1990-х гг. учебников: «Авторы учебников создают захватывающую, полную героических событий, культурно-богатую, политически насыщенную историю татарской цивилизации. На фоне такой истории татар русско-московская история, культура и территория выглядит как окраина ойкумены, глубокая провинция, представляющая интерес лишь в той мере, в какой Московское княжество вело малоуспешные до поры до времени походы на Восток» (6. С. 133, 134). При этом «этнизированные» исторические дискурсы зачастую находятся в жесткой полемике не только с общероссийским, но и друг с другом (например, татарские, чувашские и башкирские интерпретации истории Поволжья).

Возможен ли выход из этой тупиковой ситуации, продолжающейся без существенных подвижек до настоящего времени? Тот путь ее преодоления, который намечают авторы обсуждавшейся летом 2014 г. Концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории, разработанной под руководством академика А.О. Чубарьяна, вряд ли можно признать полностью удачным, поскольку не все конфликтующие между собой концептуальные разночтения можно снять использованием эвфемизмов – заменяя, например, понятие «татаро-монгольское

иго» этнически обезличенным термином «ордынское иго» – или простой, механической «сборкой» исторических сюжетов и тем – сбалансировав, например, историю русских земель в XIII–XVI вв. обособленными от нее историями татарских ханств за этот же период (5). Есть большая вероятность, что эти тематические «блоки» будут написаны специалистами с прямо противоположных оценочных позиций.

На наш взгляд, существо проблем, возникающих в связи с выработкой интегративного взгляда на российскую историю, требует иного подхода. В постсоветский период наша историография, стремясь вернуть истории человеческое, субъективно-деятельностное измерение, чересчур поспешно манифестировала свой отказ от прежних объяснительных моделей, которые делали упор на проявление в историческом процессе того, что в гегельянской и марксистской теории называлось *объективной исторической необходимостью*. Актуальная потребность вернуться к данному историческому фактору вовсе не означает того, что это должно быть сделано в прежней, уже преодоленной форме (например, в виде формационного подхода). Но потребность такая существует – особенно на фоне того, что многие современные исторические дискурсы, утрачивая ощущение *конкретных исторических условий*, в которых происходили те или иные исторические события, слишком нарочито стремятся объяснять их как проявления чистой исторической субъективности, как результат чьей-то злонамеренной или, наоборот, доброй воли.

Непредвзято-нейтральное объяснение событий «осевой» для российской истории конца XIII – середины XVI вв. эпохи – своего рода российской «Реконкисты», значимой для исторического самосознания русских и татар, – возможно именно на почве выявления характерной для нее магистральной объективно-исторической тенденции. Нельзя сказать, что таких попыток ранее не делалось. В Татарстане, например, в 1990-е гг. неоправданно болезненную, неконструктивную критическую реакцию встретило использование рядом авторов (З.З. Мифтахов, Д.Ш. Мухамадиева) для объяснения упадка и гибели Казанского ханства теории этносов Л.Н. Гумилева (3). Применение «пассионарной» теории, объясняющей смену политического лидерства в сложном комплексе отношений Москвы и Казани в XVI в. «упадком и загниванием» татарского этноса в этот период и резко возросшей

«пассионарной» энергетикой русского, возможно, страдало слишком прямолинейной и небезобидной для татарской общественности трактовкой исторических событий; возможно, также сама «пассионарная» теория, в известном смысле, страдает мистификацией исторического процесса. Но, по сути, как прецедент, она намечала очень интересный и конструктивный поворот в направлении исследований.

В самом деле, траектория развития русско-татарских отношений в рамках вышеупомянутой эпохи, несмотря на отдельные флуктуации, слишком определенна и однолинейна – можно сказать, *закономерна*, – чтобы ее можно было объяснить волей и желанием отдельных личностей и даже больших групп людей. Речь, таким образом, должна идти о вполне определенной объективно-исторической тенденции, внутреннюю обусловленность и механизм которой еще предстоит осмыслить. На наш взгляд, новые перспективы в таком осмыслении открывает возможность связать историю отдельных этносов с *определенным типом цивилизации* – к чему как раз так настойчиво апеллируют националистически мыслящие историки. Всё разнообразие зафиксированных в истории цивилизаций было бы неправильно ранжировать по критерию принадлежности их к «высших» или «низшим» – правильнее говорить, что они *разные* в своей самобытности. Вместе с тем, следует признать, что цивилизации *разнокачественны* в своем отношении к воздействию некоторых универсальных факторов *исторической эволюции*, связанным с экономикой, транспортом, урбанизацией, технологическим развитием и т.д. А, следовательно, они в процессе эволюции обладают *далеко не равными* возможностями использования тех преимуществ, которые обеспечивают эти факторы. Чрезвычайно интересный и эвристически плодотворный подход к углублению этой проблемы предлагает разработанная екатеринбургским антропологом и этнологом А.В. Головнёвым теоретическая модель, разделяющая традиционные этнические культуры древности средневековья на «локальные» и «магистральные» (1. С. 18–23). «Локальность» и «магистральность» можно трактовать не только как эволюционно развивающиеся качественно различные способы адаптации этносов к условиям природной (в первом случае) и социальной (во втором) среды (что, кстати, служит предпосылкой генезиса любой цивилизации), но и как разные *типы реакции* на

воздействие социально-исторических факторов универсального свойства. В этом смысле они образуют одну из «развилок» в формировании *разнотипных* цивилизаций. Магистральные культуры в своем превосходстве над локальными используют, прежде всего, такие преимущества, как способность контролировать большие пространства, повышенная мобильность, отработанная технология войны и властвования, формирующаяся вместе с ориентацией на экзополитарные способы эксплуатации. В одном из своих исторических вариантов магистральная культура – это, фактически, готовый слепок *кочевого* типа цивилизации. Однако, исторически, военное и политическое (прежде всего, в виде способности к созданию крупных империальных образований) лидерство кочевников по отношению к цивилизациям *оседлого* типа временно и преходяще – оно может быть продлено в силу тех или иных исторических обстоятельств, но, в общем и целом, завершается тогда, когда прогресс в технологиях военного дела начинает ощутимо зависеть уже не от мобильности и воинственности, а от своего фундамента – богатства и сложности экономической и культурной жизни. К этому добавляются и другие технологические преимущества (новые средства транспорта, укрепленные города и оборонительные линии, зарождающаяся промышленность), которые на своей органичной основе генерируются как раз оседлыми, земледельческими цивилизациями, что и дает им уже необратимый *стратегический* перевес над кочевыми. Тогда, преодолевая свою стационарность и локальную замкнутость, оседло-земледельческие цивилизации развивают в своих недрах новую «магистральную» культуру – но уже, как можно думать, на совершенно новой технологической основе.

В этом смысле, освобождение русских земель от так называемого «ордынского ига» произошло в результате успешной военной борьбы постольку, поскольку само «ордынское иго» исчерпало себя в общем поступательно-прогрессивном движении истории. Так и не завершившееся сражением знаменитое «стояние на Угре» 1480 г., покончившее с формальной даннической зависимостью Московского великого княжества от Большой Орды, и последовавший вскоре распад последней более чем символичны как яркая иллюстрация *объективно обусловленной* тенденции общеисторического упадка номадических цивилизаций. В основе

этого упадка – всё более рельефно выявлявшееся их отставание по темпам и результатам развития от технически ориентированных оседлых цивилизаций. Этот упадок ускорялся по мере того, как иссякало поддерживавшее их тонус демографическое и военное давление Великой степи. В пределах Русской равнины решающая фаза кризиса кочевой цивилизации приходится как раз на вековой промежуток между «великой замятней» в Золотой Орде (1360-е – 1370-е гг.) и тщетной попыткой Большой Орды восстановить власть ханов над русскими землями (1480 г.). События этого периода свидетельствовали не только о безвозвратной утрате всякой возможности восстановления в степях Евразии крупных «имперских» единств, но и об усилении внутри самой кочевнической стихии центробежных тенденций. Татарские ханства – наследники Золотой Орды (Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское) получают возможность временной стабилизации, но уже на принципиально иной основе – в виде «седиментации» (оседания) в *узловых пунктах* контроля над пространством: на важнейших торговых путях, ведущих по крупным рекам в приморские части континента, на границах степи с земледельческо-лесной зоной оседлости и т.п.

Следует заметить, что постсоветская историография Татарстана довольно чутко реагирует на ряд узловых моментов схематично намеченной нами выше концепции. Во-первых, вполне симптоматичной видится попытка некоторых татарских историков в конце 1980-х – начале 1990-х гг. генетически связать развитие татарского этноса с наследием Волжской Булгарии и отмежеваться от «золотоордынских татаро-монголов» (6. С. 133). Хотя «булгаристская» теория сегодня отвергнута большинством татарских историков как несостоятельная и, наоборот, отстаивается тезис о значительном вкладе золотоордынского этнокультурного пласта в этногенез татар, мотивы того, почему татарская историографическая мысль вообще качнулась в сторону его «булгарской» версии, вполне прозрачны: цивилизационная преемственность татарского этноса с компактным оседлым социумом, древней и хорошо развитой для своего времени государственной и культурно-религиозной жизнью Волжской Булгарии, а не с более поздним полукочевым имперским образованием выглядела, возможно, менее величественной в политическом отношении, но более выигрышной в культурно-

историческом плане. Во-вторых, та настойчивость, с которой историки Татарстана подчеркивают наличие в Золотой Орде и наследовавших ей татарских ханствах «развитой государственности», «богатой культуры и городской жизни» (3), считая их органичным, эндогенным порождением самой кочевой цивилизации, а не объектом экзополитарной эксплуатации со стороны степной военной аристократии, лишний раз свидетельствует как раз об известной уязвимости и неоднозначности этого тезиса. Как ни парадоксально, эти симптомы убеждают в том, что продолжение трудного диалога историков о возможности единых концептуальных подходов к многоэтничной истории России не является полностью безнадежным.

Литература:

1. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). - Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

2. Зубков К.И. Этнос versus регион: из опыта государственного строительства в Уральской области (1920-е гг.) // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1999. С. 60–65.

3. Измайлов И.Л. Дилемма национальной истории в федеративной стране: государственность и этничность // Казанский федералист. 2002, весна. № 2. URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n2/stat7/

4. Казенин Константин. Северный Кавказ: истоки новых конфликтов / Информационное агентство REGNUM. 20 февраля 2016 г. URL: http://regnum.ru/news/polit/2083551.html

5. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории / Российское Историческое общество. 2 августа 2015 г. URL: http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html

6. Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.

7. XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА РАН, 2015. 504 с.

8. Путин: Государство поможет воссозданию мусульманской богословской школы / Деловая газета ВЗГЛЯД. 23 сентября 2015 г. URL: http://vz.ru/news/2015/9/23/768406.html

9. Путин назвал ислам «ярким элементом российского культурного кода» / 22 октября 2013 г. URL: http://newsru.com/religy/22oct2013/ufa.html

10. Сулейменов, Раис. Татарстан не может определиться: регион – часть России или вилайет Турции / Информационное агентство REGNUM. 22 декабря 2015 г. URL: http://regnum.ru/news/polit/2042002.html

11. Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. – xvii, 496 pp. (The Wilder House Series in Politics, History, and Culture).

УДК 930.2
ББК 63 ГСНТИ 14.07.01 Код ВАК 07.00.09

И.В. Побережников
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация, историческое наследие, культура, цивилизация, модернизация, демократизация

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются попытки социологического объяснения исторических трансформаций, которые даются в современных социологических концепциях. Данные социологические объяснения подчеркивают вариативность социальных трансформаций в различных культурно-цивилизационных контекстах, на разных этапах исторического развития, демонстрирует значимость культурных измерений социальных трансформаций, фокусируют внимание на роль человеческих усилий в обеспечении социальных трнасформаций.